

Я.В. ВИШНЯКОВ

СЕРБИЯ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: 1914–1915 годы

В сентябре 1912 г., в разгар Балканских войн, австрийская газета “Neue Freie Presse” напечатала обширную статью, автор которой высказал серьезные опасения, что балканский конфликт 1912–1913 гг. может перерасти в общеевропейский кризис. “При существующем положении вещей никем из великих народов не желаемая общеевропейская война, беспрецедентная по своим размерам, способная привлечь на поля сражений для взаимного истребления более 12 000 000 людей, чреватая неисчислимыми последствиями, может возникнуть по воле и капризу ничтожной горсти людей, по знаку, поданному из какого-нибудь маленького центра, вроде столицы Балканских государств”¹, – отмечалось в газетной передовице. Спустя два года это пророчество сбылось. 15 (28) июня 1914 г. в праздник Видов Дан в г. Сараево раздался роковой выстрел. Наследник австро-венгерского престола, эрцгерцог Франц Фердинанд, прибывший на военные маневры, и его морганатическая супруга были убиты гимназистом Г. Принципом.

Сами по себе события, происшедшие в тот день в Сараево, достаточно хорошо реконструированы, а само сараевское убийство в контексте проводившихся маневров, которые могли рассматриваться как предлог для возможного нападения на Сербию, некоторые ученые называют “выстрелом отчаяния”, цель которого была предупредить готовившийся военный разгром Сербии². Надо отметить, что следствие над убийцами престолонаследника велось строго в рамках имперского законодательства, что отмечали сами участники процесса, в частности член организации “Млада Босна” В. Чубрилович, впоследствии известный сербский политик и историк. Л.В. Кузьмичёва пишет: “В своих последних работах В. Чубрилович счел необходимым отметить то, о чем не говорил до конца 80-х годов XX века: что Габсбургская монархия была подлинно правовым государством, а ее чиновники, присланные для работы в Боснию, были высококвалифицированными специалистами. Это, в частности, он наблюдал и в ходе самого Сараевского процесса, и во время пребывания в тюрьмах империи”³.

Российский посол в Лондоне А.К. Бенкендорф пророчески заметил в записке министру иностранных дел С.Д. Сазонову: “Какая ужасная трагедия произошла в Сараево! Бесспорно, что в ее основе лежит расовая ненависть. Несчастье в том, что повторится

Вишняков Ярослав Валерианович – кандидат исторических наук, доцент Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ.

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. 166, оп. 508/1, д. 139, л. 88.

² См., например: *Полетика Н.П.* Сараевское убийство. Исследование по истории австро-сербских отношений и балканской политики России в период 1903–1914 гг. Л., 1930, с. 13; *Писарев Ю.А.* Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968, с. 10; Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011, с. 13–47.

³ *Кузьмичёва Л.В.* Конец империи. Сараевское убийство в исторических исследованиях и размышлениях его участника академика Васы Чубриловича. – Механизмы власти. Трансформации политической культуры в России и Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX вв. М., 2009, с. 235.

вечная ошибка возложения на всю расу ответственности за преступления того или другого отдельного человека”⁴.

Однако непосредственно после покушения общественные и политические круги Европы не верили в скорое начало войны, а тем более не предполагали, что она растянется на долгие четыре года и будет стоить миллионов жизней. Сараевское убийство казалось не более чем очередным событием в цепи кризисов начала XX в. Например, марокканские кризисы 1904 и 1911 гг., Боснийский кризис 1908–1909 гг. сами по себе могли привести к европейской войне, но все они разрешались политическим путем. Тем более что выстрелы на Балканах звучали и ранее. В 1910 г. Богдан Жераич произвел пять неудачных выстрелов в генерал-губернатора Боснии и Герцеговины в генерала М. Варешанина, покончив с собой на месте преступления. (На его могиле побывал Гаврило Принцип, который установил на могиле деревянный крест и посадил цветы.) Покушения совершались на министра финансов Австро-Венгрии графа Л. Билинского, на королевских комиссаров в Хорватии С. Цува и И. Склецера⁵.

Тем не менее, спустя месяц после убийства Франца-Фердинанда и его супруги, 23 июля в 6 часов вечера, австро-венгерское правительство предъявило Сербии известный ультиматум из 10 пунктов, принять который, по словам английского министра Э. Грея, означало только одно: сербское государство “не могло бы больше считаться самостоятельным государством”⁶. С.Д. Сазонов вспоминал, что “австрийский ультиматум поставил Европу сразу на край пропасти, создав положение, из которого трудно было найти иной выход, как европейская война”⁷. Предъявление ультиматума стало полной неожиданностью для европейских правительств. Г.Н. Трубецкой пишет, что даже для известного австро-венгерского дипломата О. Чернина, которому было суждено стать последним министром иностранных дел Дунайской монархии, “война была неожиданной развязкой”. Трубецкой также отмечает, что Чернин внушил ему “жалость – столько страдания, которое он не мог, видимо, победить, выражалось в его лице. И действительно, приехав в министерство по какому-то текущему вопросу к барону Шиллингу, он у него разрыдался”⁸. Английский посол в России Дж. Бьюкенен вспоминал: «Со времени убийства эрцгерцога принца Франца Фердинанда прошло несколько недель без всяких проявлений [активности] со стороны Австрии, и появилась надежда, что она отказалась от каких-либо карательных действий. Я даже получил отпуск и взял уже билеты для поездки в Англию. Сидя на следующее утро, 24-го июля, в своем кабинете и размышляя о том, что я буду делать во время предстоящего отпуска, я был оторван от своих мыслей звонком телефона. “Кто у телефона?” – спросил я. “Я, Сазонов, – был ответ. – Австрия предъявила в Белграде ультиматум в выражениях, грозящих войной. Будьте добры завтра к часу заехать во французское посольство. Мне нужно поговорить с вами и г. Палеологом”⁹. В ультиматуме, который, как заметил Ю.А. Писарев, “оказался необычным по своей наглости и цинизму документом”¹⁰, в частности, содержалось требование “допустить сотрудничество в Сербии австро-венгерских органов в деле подавле-

⁴ Международные отношения в эпоху империализма (далее – МОЭИ), серия III, 1914–1917. М. – Л., 1931, с. 53.

⁵ См.: *Horvat J. Pobuna omladine 1911–1914. Zagreb, 2006, с. 127–139.*

⁶ Мировые войны XX века, кн. 1. М., 2002, с. 52–54.

⁷ *Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991, с. 184.*

⁸ *Трубецкой Г.Н. Российская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983, с. 25.*

⁹ *Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991, с. 124.* Заметим, что русский военный агент в Белграде В.А. Артамонов также в момент покушения находился в отпуске в Швейцарии, что позволяет поставить под сомнение точку зрения, согласно которой российские правящие и военные круги знали о готовящемся покушении и способствовали его осуществлению. См.: *Полетика Н.П. Указ. соч., с. 18; Старков Б.А. Охотники на шпионов: контрразведка Российской империи 1903–1914 гг. СПб., 2006, с. 226.*

¹⁰ *Писарев Ю.А. Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990, с. 67.*

ния революционного движения, направленного против территориальной целостности монархии”. Для ответа отводилось 48 часов. Сербия готова была принять все условия, а настроение правящих кругов Белграда было близко к панике. Принц-регент Александр после посещения русской дипломатической миссии отправил срочную телеграмму российскому императору, в которой, в частности, писал: “Среди условий находятся и такие, которые потребуют перемены в нашем законодательстве, и для сего нам необходимо время. Срок назначен слишком краткий. Австро-венгерская армия сосредотачивается около нашей границы и может нас атаковать по истечении срока. Мы не можем защищаться. Посему молим Ваше Величество оказать нам помощь возможно скорее. Ваше Величество дало нам столько доказательств своего драгоценного благоволения, и мы твердо надеемся, что этот призыв найдет отклик в его славянском и благородном сердце. Я являюсь выразителем чувств сербского народа, который в эти трудные времена молит Ваше Величество принять участие в судьбах Сербии”. Николай II начертил на тексте телеграммы: “Очень скромная и достойная телеграмма. Что ему ответить?”¹¹

Ответная нота Сербии считается шедевром дипломатического искусства. Сербское правительство приняло все пункты ультиматума, заявив со своей стороны, что “не отдает себе ясного отчета в смысле и значении просьбы императорского и королевского правительства о том, чтобы Сербия обязалась допустить на своей территории сотрудничество органов императорского и королевского правительства, но заявляет, что оно допустит сотрудничество, соответствующее нормам международного права и уголовного судопроизводства, равно как добрососедским отношениям между обоими государствами”¹². Тем не менее повод для войны был найден. Венское “Correspondenz-Vergeau” опубликовало по поводу сербского ответа следующее сообщение: “Эта нота имеет целью вызвать ложное впечатление, будто сербское правительство готово в широкой мере удовлетворить поставленные монархией требования. Главным же образом нота проникнута духом неискренности, ясно указывающей, что сербское правительство серьезно не намеревается положить конец своей преступной терпимости, проявляющейся им до сего времени по отношению к направленным против монархии козням. Как в отношении общих основ нашего выступления, так и в отношении частных предъявленных монархией требований сербская ответная нота содержит столь широкие оговорки и ограничения, что и действительно сделанные сербским правительством уступки лишаются всякого значения”¹³.

В ночь на 18 июля Николай II объявил всеобщую мобилизацию. Мать российского императора, узнав о распоряжении своего сына, послала ему короткое, но, как оказалось, пророческое письмо: “Подумай о Боге. Мать”. Со стороны Германии сразу же поступило требование отменить эту меру в течение 12 часов. Утром 19 июля (1 августа) германский посол в России граф Ф. Пурталес спросил С.Д. Сазонова, согласна ли Россия отказаться от мобилизации. Министр ответил отрицательно. Взволнованный посол вынул из кармана какую-то бумагу и ещё дважды задал тот же вопрос. Получив в очередной раз отрицательный ответ, Ф. Пурталес передал министру ноту с объявлением войны. 21 июля (3 августа) Германией была объявлена война Франции, на следующий день, когда германские войска вторглись на бельгийскую территорию, английское правительство сообщило в Берлин, что примет все меры для защиты нейтралитета Бельгии. 22 июля (4 августа) в мировую войну вступила Великобритания.

Австро-венгерская армия начала наступление на Сербию 2 августа 1914 г., форсировав реки Саву и Дрину. Массированной бомбардировке был подвергнут Белград. Сербия, в свою очередь, в военном отношении была не готова к еще одной войне. 6 (19) июля 1914 г., беседуя с секретарем русской миссии В.Н. Штрандтманом, Александр “доверительно поведал”, что сербская армия “располагает ныне, после двух Бал-

¹¹ МОЭИ, серия III, т. I. М., 1935, с. 444.

¹² Мировые войны XX века, кн. 1, с. 57.

¹³ Цит. по: *Фёдоров Н., Е-в Н.* Австро-сербская война. Ее причины и возможные последствия. СПб., 1914, с. 37.

канских войн, лишь ничтожным количеством исправных винтовок, каковое обстоятельство является большим соблазном для врагов королевства”¹⁴. Россия предприняла шаги по оснащению сербской армии новым вооружением. Спустя два дня после сараевского покушения был дан ход соответствующему прошению сербского правительства, лежавшего “под сукном” с января 1914 г., и принято решение о выделении Сербии 120 тыс. трехлинейных винтовок и 120 млн. патронов к ним¹⁵. При этом В.Н. Штрандтман отмечал, что “предложенный, по всей вероятности Франции заказ 300 000 ружей может быть готов только через 30 месяцев и поэтому прибытию в Сербию всех уступленных Государем винтовок он (Александр. – Я.В.) придает огромное значение”. Первая партия винтовок – 50 тыс. штук – прибыла в Сербию уже после начала военных действий, в начале августа 1914 г., а уже к 16 августа 1914 г. в страну было переправлено 93 млн. патронов и 113 тыс. винтовок. Российский дипломат при этом указывал, что “Сербия выставит всего 400 000 войска и Черногория – 30 000, которые будут подчиняться одному общему главному штабу”. Он же подчеркнул, что “дух войск очень бодрый и существующие технические недочеты сербы обещают сторицею возместить непреодолимым натиском”¹⁶.

После объявления войны сербский премьер-министр Н. Пашич заявил корреспонденту французской газеты “*Matin*”: “Справедливость на нашей стороне. Мы сделали всё возможное, чтобы идти навстречу требованиям Австрии, но мы осознаём свою ответственность перед страной и перед цивилизованным миром. Мы дошли до последних границ уступчивости. Пусть мир нас судит. Россия, Франция и Англия не покинут нас в момент нападения на нас большой соседней державы, которая своей нотой посягает на наше политическое существование и на наше суверенное право”¹⁷.

Большим разочарованием для сербского правительства оказалась первоначальная позиция черногорского монарха. Русский посланник А.А. Гирс сообщал из Цетинье: “Король заявил мне, что он вполне понимает и оправдывает австрийское выступление, за исключением требования о допущении сербским правительством австрийских судебных чинов к дополнительному расследованию на территории королевства”. Далее российский дипломат отмечал: “В войну Его Величество не верит и продолжает поддерживать установившиеся у него весьма дружеские сношения с австрийским посланником Отто. Король убежден, что вся масса сербского народа в действительности войны не желает, ее боится и в душе будет приветствовать всякий мирный исход, хотя бы ценою [уступок] в известных пределах ее самолюбия. Министр иностранных дел смотрит на положение более мрачно, не видит иного исхода, кроме войны, имеющей будто бы разразиться безотлагательно”¹⁸. Первоначально черногорское правительство не предпринимало никаких конкретных шагов в поддержку Сербии, а король Никола до последнего момента не хотел вступать в войну. Правда, спустя две недели после убийства Франца-Фердинанда, 27 июня (ст. ст.) 1914 г., в Цетинье прошли антиавстрийский митинг и демонстрация, вполне отвечавшая уровню политической культуры черногорского общества. «По окончании митинга толпа, невзирая на протесты крайне немногочисленной полиции, двинулась к зданию австро-венгерской миссии с криками “Долой австрийцев”. Дело могло бы принять нежелательный по своим последствиям оборот,

¹⁴ АВПРИ, ф. “Политархив”, оп. 482, д. 4213, л. 28.

¹⁵ Там же, д. 2899, л. 21. См. также: *Алексеев М.* Военная разведка России. От Рюрика до Николая II, т. 2. М., 1998, с. 331. Отметим, что в марте 1914 г. русское военное ведомство отказало Сербии в отпуске необходимых для ее нужд вооружений. Решение о поставке в Сербию 120 тыс. винтовок вместо первоначально запрошенных 400 тыс. было принято еще в мае 1914 г. В то же время в июне 1914 г. российское правительство отказало в отпуске Сербии “орудий со снарядами, а также предметов интендантского и инженерного довольствий”, мотивируя свое решение тем, что “отпуск таковых без ущерба для русской армии не представляется возможным” (там же, л. 16–21).

¹⁶ АВПРИ, ф. “Политархив”, оп. 482, д. 4213, л. 24, 30–33, 204.

¹⁷ Цит. по: *Фёдоров Н., Е-в Н.* Указ. соч., с. 41–42.

¹⁸ АВПРИ, ф. “Политархив”, оп. 482, д. 4213, л. 124.

если бы король Николай не выехал спешно на автомобиле навстречу подходившим уже к самой миссии манифестантам и лично не разогнал толпу, в резкой форме приказав ей разойтись, и даже пустив в ход палку», – писал российский дипломат¹⁹.

В то же время известно о закулисных черногоро-австрийских переговорах о нейтралитете, которые вели министр иностранных дел Черногории П. Пламенац, австро-венгерский посланник в Цетинье Э. Отто и военный атташе Г. Хубка при негласной поддержке наследника Данилы. Однако выдвижение к черногорской границе по распоряжению генерала Ф. Конрада фон Хётцендорфа австро-венгерских войск привело к их прекращению, а Никола пообещал поддержать союзника²⁰. 1 августа Народная скупщина Черногории приняла резолюцию о военной поддержке Сербии. Отметим в этой связи, что решающее влияние на позицию Николы оказало вступление в войну России. 5 августа 1914 г., через восемь дней после объявления войны Сербии, Черногория также объявила Австро-Венгрии войну. Был сформирован общий генштаб во главе с сербским генералом Б. Янковичем, а черногорский генерал Я. Вукотич назначен представителем при сербской Верховной команде. Правительство Сербии также определило денежную помощь своей союзнице в размере 50 тыс. франков.

Сербская армия, верховным главнокомандующим которой стал принц-регент Александр Карагеоргиевич, а начальником штаба воевода Радомир Путник, оказала ожесточенное сопротивление и уже в августе 1914 г. одержала победу в районе Церского хребта, изгнав неприятеля с собственной территории. Австрийским войскам сходу не удалось занять и сербскую столицу, державшуюся до ноября 1914 г. В августе 1914 г. в Белград прибыла российская минная команда под командованием лейтенантов В.А. Григоренко и Ю.Ф. Волковицкого, сумевшая в октябре 1914 г. потопить австрийский монитор “Темеш” – флагман австрийской Дунайской флотилии²¹. В сентябре 1914 г. российская Ставка приняла решение направить для обороны Белграда два береговых 150-мм орудия с прислугой при каждом из 10 солдат и 1 офицера. Кроме них, Россия послала в Сербию две скорострельных 75-мм пушки. Обе батареи, расположенные в крепости Калемегдан, контролировали стратегическую точку впадения р. Савы в Дунай и оставались в городе до осени 1915 г.²² В обороне сербской столицы участвовали французские и английские артиллерийские батареи.

Тем не менее в начале осени 1914 г. положение сербских войск стало критическим. Австро-венгерские войска нанесли новый мощный удар и захватили Белград. Потери сербской армии были значительны. Русский военный агент В.А. Артамонов доносил, что к середине сентября 1914 г. “число раненых сербов достигло сорока тысяч человек. Из них пятнадцать тысяч относятся к бою у Цера и Ядра, а двадцать пять к настоящим боям. Полагаю, что общее число сербских потерь доходит до пятидесяти пяти тысяч. Офицеров убыло свыше шестисот человек”²³. Кроме того, в сербской армии ощущалась острая нехватка снарядов. В.А. Артамонов отмечал, что в ее полевой артиллерии осталось примерно 120 снарядов на орудие и что сербские артиллеристы отвечают теперь 1 выстрелом на 20 австрийских. “Некоторые батареи были сняты с позиций за отсутствием снарядов”. Моральный дух войск начал падать. Тот же Артамонов с тревогой телеграфировал: “Наступило полное нервное истощение, равнодушие и нежелание больше драться; сильная позиция покидается без боя. Частые случаи паники. Люди ищут любого случая сдать. Батальон 8-го полка второго призыва ночью сдался взводу

¹⁹ Там же, л. 16.

²⁰ Писарев Ю.А. Сербия и Черногория в первой мировой войне, с. 47–48; *его же*. Тайны первой мировой войны, с. 80–81.

²¹ См.: Каширин В.Б. Дунайская одиссея лейтенанта Григоренко. – Родина, 2010, № 11, с. 132–138.

²² См.: Йованович М. Ленинским курсом. Как русские защищали Белград от австрийских мониторов на Дунае. – Родина, 2010, № 11, с. 130–131.

²³ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА), ф. 2003, оп. 1, д. 1870, л. 241.

австрийцев. Развилось сильное дезертирство. Пятый сверхштатный полк разбежался по домам. Заключение: первая сербская армия как боевая единица не существует”. Однако, вопреки опасениям русского военного агента, в октябре – ноябре 1914 г. сербским войскам не только удалось сдержать вражеское наступление, но и подготовить мощный ответный удар. Как отмечалось в оперативных сводках русской Ставки, “благодаря своевременно принятым мерам порядок в первой армии стал водворяться, причем выяснилось, что многие нижние чины покинули свои части для спасения своих семейств, оставшихся в очищавшихся войсками областях”²⁴. Большую роль в этом сыграло поведение престарелого сербского монарха Петра Карагеоргиевича, который лично отправился в окопы и, по словам посланника Г.Н. Трубецкого, показал “своим примером, что он предпочитает смерть народному позору”. Сербский король говорил: «Я стар и никуда негоден. Что удивительного в том, что я предпочел бы умереть, чем видеть позор моей родины. Я поехал в окопы и только это и сказал солдатам. Я им говорил: “Пускай, кто хочет, уходит по домам, а я останусь здесь и умру за Сербию”. Ах, если бы видели наших солдат! Какие это необыкновенные люди. Они плакали, целовали мое пальто. Все остались и сражались как львы»²⁵.

Новое наступление сербской армии началось 3 декабря 1914 г. В ходе 12-дневных боев они разгромили австро-венгерские войска на рр. Колубаре и Дрине, а 15 декабря освободили Белград. На сербской территории не осталось ни одного австро-венгерского солдата; было захвачено более 50 тыс. пленных, 126 орудий, 70 пулеметов и немало прочих трофеев. Сербские войска также понесли значительные потери. Русский посланник Г.Н. Трубецкий отмечал, что при общей численности армии в 120 тыс. чел. резервы страны ничтожны и ограничиваются 40 тыс. новобранцев “срока службы 1915 года и 15 000 уроженцев Новой Сербии”²⁶. Почти на 10 месяцев на фронте установилось относительное затишье. После Колубарской битвы до 15 марта 1915 г. из России в Сербию было поставлено военного снаряжения на 15 млн. руб., а из Франции было послано 206 тыс. ружей разного калибра и 231 544 снаряда для полевой артиллерии²⁷. Доставка боеприпасов и оружия из России в Сербию осуществлялась по Дунаю, для чего еще в августе 1914 г. была учреждена экспедиция особого назначения во главе с капитаном 1-го ранга М.М. Весёлкиным²⁸.

Однако военные операции на сербо-австрийском фронте 1914–1915 гг. никак не согласовывались с союзниками. 16 (29) июня 1915 г. Ставка Верховного главнокомандования направила Александру Карагеоргиевичу следующую телеграмму: “Имея в виду возобновившееся в более решительной форме наступление итальянской армии, а также полученные сведения об уходе с сербского на итальянский фронт 16-го и части 15-го австро-венгерских корпусов, равно как о возвращении на наш фронт части германских войск, отправленных к сербской границе, представлялось бы с общей точки зрения весьма желательным, чтобы и сербская армия в возможно скором времени осуществила наступление, начало которого первоначально было намечено на 10 июня”²⁹. Тем не менее она так и не перешла в наступление, начало которого первоначально планировалось на 10 (23) июня 1915 г. Причем, как заметил В.А. Артамонов, “сербское наступление откладывалось намеренно; отчасти по политическим соображениям, до выяснения на-

²⁴ Там же, л. 522–527, 545, 510.

²⁵ Мужественный поступок Петра Карагеоргиевича отметили и в России: Николай II наградил сербского монарха орденом Андрея Первозванного с мечами, престолонаследнику Александру был вручен орден св. Георгия 3-й степени, а его брат Георгий пожалован орденом св. Георгия 4-й степени (*Трубецкой Г.Н. Указ. соч.*, с. 77).

²⁶ АВПРИ, ф. “Политархив”, оп. 482, д. 532, л. 456 об.–457.

²⁷ *Писарев Ю.А. Тайны первой мировой войны*, с. 168.

²⁸ Любопытно, что одного из офицеров команды Весёлкина, который участвовал в 45 транспортных операциях, звали Анатолий Васильевич Ленин. За проявленную храбрость он был награжден орденом св. Анны 3-й степени и двумя сербскими наградами – орденом св. Савы 4-й степени и Косовской медалью. См.: *Йованович М. Ленинским курсом*, с. 130.

²⁹ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1870, л. 630.

мерения Болгарии и Румынии, отчасти по военным, ввиду наших неудач”. По словам русского военного агента, Н. Пашич “неоднократно высказывал, что наступление сербов будет своевременным и безопасным, когда русская армия с Карпат спустится в венгерскую долину”³⁰. Русский генерал Ю.Н. Данилов отмечал: “Здесь – с сожалением, конечно, – уместно будет вновь отметить, что сербская армия, усиленная черногорскими контингентами, составляла третий вполне самостоятельный фронт держав Согласия. Если между Россией и Францией, несмотря на отсутствие общего плана войны, всё же существовал некоторый предварительный сговор по вопросу о первоначальных военных действиях, то по отношению к Сербии не было сделано и этого минимального шага к установлению единства действий”³¹. Ю.А. Писарев справедливо объясняет неучастие сербских вооруженных сил в совместных с союзниками военных действиях политическими причинами. Правительство, по его мнению, хотело сохранить армию, которая могла бы сыграть “решающую роль на заключительном этапе войны, когда практически бы встал вопрос о присоединении к Сербскому королевству югославянских территорий Австро-Венгрии”³². Причем в июне 1915 г. Сербия ввела свои войска в Албанию, захватив ее столицу Тирану и важный стратегический пункт г. Эльбасан. Правда, под давлением России, Англии и Франции войска вскоре оттуда пришлось вывести.

Сербия успешно противостояла австро-венгерской армии даже несмотря на вспыхнувшую в декабре 1914 г. среди солдат и быстро перекинувшуюся на гражданское население эпидемию тифа, от которой умерло, по разным оценкам, от 150 до 200 тыс. чел., т.е. примерно около 40% от общих военных потерь Сербии, которые можно оценивать до 700 тыс.³³ Г.Н. Трубецкой указывал, что “медицинская и санитарная часть были очень плохо поставлены у сербов. В Белградском университете не было медицинского факультета”. К началу войны во всей Сербии, по данным русского посланника, насчитывалось всего 540 докторов. Он и его жена, которая сформировала на русские пожертвования специальный санитарный отряд, оказали большую помощь сербской армии в борьбе с вспыхнувшей эпидемией. В январе 1915 г. в Нише был открыт русский госпиталь. Несмотря на принятые меры, только в Нише, по данным Г.Н. Трубецкого, за первые четыре месяца 1915 г. умерло 35 тыс. чел., причем “из них больше трети приходится на пленных”, которые, по словам дипломата, пользовались полной свободой. “Из зараженных помещений они выходили и гуляли по всему городу. Иногда они брали хлеб у больных или от умерших и продавали его в городе”. Неудивительно, что эпидемия, несмотря на все усилия русских врачей³⁴, продолжала распространяться³⁵. Черногорская армия при этом показала себя с худшей стороны во время боевых действий в Боснии, в районе Сараево. Уже в августе 1914 г. в ее рядах началось массовое дезертирство и неповиновение офицерам, в связи с чем Янкович просил сербское командование сложить с него полномочия начальника штаба и отозвать из Цетинье. В середине сентября 1914 г. русский военный агент в Черногории Н.М. Потапов телеграфировал в Ставку: “В виду неоднократных, но безуспешных настояний короля, чтобы генерал Янкович отвел черногорские войска от Сараева на границу и пассивно ожидал успехов

³⁰ Там же, л. 629.

³¹ Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне 1914–1915 гг. Берлин, 1924, с. 158.

³² Писарев Ю.А. Тайны первой мировой войны, с. 160–161.

³³ Йованович М. “Умереть за Родину”. Первая мировая война, или столкновение “обычного человека с тотальной войной”. – Последняя война императорской России. М., 2002, с. 149.

³⁴ О деятельности российских санитарных отрядов на территории Сербии в годы Первой мировой войны см. подробнее: Шевцова Г.И. Россия и Сербия. Из истории российско-сербских отношений в годы Первой мировой войны (гуманитарный аспект). М., 2010; Козлов В.Ф. Москва – Сербия. Из истории русско-сербских связей XVII – начала XX века. М., 2001, с. 60–72.

³⁵ См.: Трубецкой Г.Н. Указ. соч., с. 111–116. Американский журналист Дж. Рид перед поездкой в Сербию в 1915 г. получил такое саркастическое напутствие от американцев из салоницкой конторы “Standard oil”: “Жаль, – сказал Уиллей, – вы еще так молоды. Хотите, чтобы ваши останки отправили на родину, или похоронить вас здесь?” (Рид Дж. Вдоль фронта. М. – Л., 1928, с. 43).

на русском театре, названный генерал склонен объяснить не обусловленное боевой обстановкой отступление в Боснии отряда Вукотича, помимо факта, что один батальон взбунтовался, еще и секретным приказом короля, отданным Вукотичу без ведома Янковича: отступать при первой возможности. Со своей стороны король жаловался мне, что сербы дали австрийцам сосредоточиться у Сараева и не оказали черногорцам поддержки. Король высказал мне, что он предвидел поражение своих войск, но не протестовал, чтобы доказать России, что он беспрекословно следует настояниям ее действовать сообща с сербами. Считаю долгом отметить возможность новых бунтов черногорской армии, так как король умиряет их щедрой раздачей денег. Например, взбунтовавшиеся в августе четыре батальона Домиторской бригады получили от него за согласие вновь идти на войну пятьдесят тысяч крон казенных денег". Уже в начале октября 1914 г., как доносил В.А. Артамонов, "вследствие упреков командира" взбунтовался еще один черногорский батальон, солдаты которого прогнали своих командиров и отправились в Цетинье жаловаться королю. Отметим, что на начало октября 1914 г. из 35 черногорских батальонов в Боснии в 11 отмечались волнения. Генерал М. Мартинович не нашел ничего лучше, как объяснить эти беспорядки и массовый уход с позиций по домам "подстрекательством политических смутьянов"³⁶.

Боевые операции черногорцев ограничивались, как и во время первой Балканской войны 1912–1913 гг., осадой, не имевшей ключевого стратегического значения, крепости Скутари. Не случайно уже к ноябрю 1914 г. австро-венгерское командование оставило против черногорцев лишь незначительное число своих войск. Посланник Г.Н. Трубецкой при этом отмечал, что "австрийцам было приятнее, чтобы Скутари было занято слабой Черногорией, не способной организовать там серьезную оборону, чем Италией, которую труднее было бы выставить, если она водворилась в этом городе, крепко связав его с морской базой в с. Джовани ди Медуа"³⁷. На адриатическом побережье австрийские броненосцы вели обстрел черногорских и французских осадных батарей на горе Ловчен, причем, как заметил Н.М. Потапов, эти батареи были обнаружены "противником при помощи аэропланов благодаря дымному пороху французских осадных орудий". В результате были повреждены два 155-мм французских орудия, а из 130 французских артиллеристов около 20 было убито и ранено. Потапов при этом подчеркнул, что "король, министры и общество высказывают огорчение по адресу французского правительства, приславшего в Черногорию бездействующий флот, плохие пушки, негодные аэропланы и чересчур требовательный персонал". В ноябре 1914 г., как сообщалось в сводках Ставки, "австрийцы продолжают обстреливать осадные батареи на Ловчене. Бесцельность стрельбы из этих батарей по двум австрийским фортам были причиной того, что французские артиллеристы, оставив при орудиях лишь стражу, вернулись в Цетинье"³⁸.

Отметим также и тот факт, что собственно сербо-черногорские межгосударственные отношения оставляли желать лучшего. Сербская Верховная команда выражала открытое недовольство действиями черногорской армии³⁹. Как отмечал В.Н. Штрандтман, черногорцы озабочены "главным образом приходом раньше сербов в тот или иной город или селение, дабы заявить свои права победителя, а в некоторых случаях попросту чтобы основательно пограбить"⁴⁰. Черногорский посланник Л. Миушкович в свою очередь высказывал свои претензии сербам, особенно в связи с их многочисленными отказами в поставке винтовок и другой военной амуниции, что, по его словам, должно было "показать несостоятельность черногорской армии, а следовательно, всей Черногории". Да и сам Никола подозревал сербское руководство в подстрекательствах

³⁶ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1870, л. 480–481, 488, 442. См. также: *Мартиновић М.* Ратне године 1912–1916. Београд, 1996, с. 79–80.

³⁷ *Трубецкой Г.Н.* Указ. соч., с. 209.

³⁸ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1870, л. 436, 512–513.

³⁹ *Ракочевић Н.* Црна Гора у првом свјетском рату. 1914–1918. Подгорица, 1997, с. 57–58.

⁴⁰ АВПРИ, ф. "Политархив", оп. 482, д. 532, л. 362.

к “направленным лично против него выступлениям” с тем, чтобы по ходу военных действий объединить два государства. Причем находившийся в Нише черногорский генерал М. Бечир открыто высказывал эти мысли В.Н. Штрандтману. Заметим, что самого Бечира Штрандтман назвал человеком “сомнительной нравственности”. При этом еще в марте 1914 г. король Никола отправил официальное письмо к Петру Карагеоргиевичу, в котором предлагал рассмотреть вопросы “независимости и равноправия наших государств и династий с точным определением взаимных обязанностей в области военной, дипломатической и финансовой” и поручил Миушковичу провести предварительные переговоры с Пашичем. В период развития июльского кризиса 1914 г. сербский премьер считал нецелесообразным продолжение этих переговоров⁴¹.

Однако осенью 1915 г. страну постигла военная катастрофа. В результате совместного германо-австрийского наступления под общим командованием фельдмаршала А. фон Макензена, начатого в сентябре 1915 г., сербская армия была разгромлена, а территория страны оккупирована. Заметим, что причины этой катастрофы обуславливались не только численным и техническим превосходством сил Четверного союза⁴², но и внутривосточными аспектами, связанными в том числе и с последствиями победоносных для Сербии Балканских войн 1912–1913 гг. Именно на них нам хотелось бы обратить особое внимание.

По итогам Балканских войн в состав Сербии были включены части территории Ново-Пазарского санджака, что привело к созданию общей границы между Сербией и Черногорией. В состав Сербии вошла также Вардарская Македония. Территория сербского королевства значительно расширилась, почти в два раза – до 4,5 млн. человек – увеличилось и население страны. Однако этноконфессиональный состав населения новых земель был крайне сложен, и к началу 1914 г. сербскому правительству так и не удалось решить до конца проблему инкорпорации их в состав королевства. Не разрешенные национальный, территориальный и конфессиональный вопросы осложняли не только внутривосточную ситуацию в королевстве, но и обостряли и без того непростые политические отношения с Болгарией, вынужденной по итогам второй балканской войны на время расстаться с мечтами о присоединении Македонии. Не случайно после начала в 1914 г. военных действий в новоприсоединенных к Сербии областях сербской Верховной команде пришлось оставить до 40 тыс. солдат, которым была поручена охрана стратегически важной железной дороги до Салоник. “В новоприсоединенных областях, в частях прилегающих к Болгарии, не всё обстоит благополучно. Четничество и банды множатся, вызывая со стороны местных властей репрессивные меры, которые, быть может, применятся без достаточной осмотрительности, но с вполне естественным желанием внести успокоение в стране в то время, когда Сербии приходится напрягать все свои силы в тяжелой борьбе против Австро-Венгрии”⁴³, – отмечал В.Н. Штрандтман. Данную ситуацию пыталась использовать в своих интересах и Австро-Венгрия. М. Ронге, один из руководителей австро-венгерских спецслужб, откровенно заявил в мемуарах: “К этим мерам относились: организация восстания македонцев в Ново-Сербии, агитация против войны рекрутов в области, диверсионные акты и т.п. Ввиду ожидавшегося вскоре закрытия границы с Сербией и Черногорией надлежало наладить против этих государств разведывательную службу через нейтральные страны. Проведение этих мероприятий из Софии было сравнительно легким делом, так как Болгария сама очень интересовалась разворачивавшимися событиями. Хорошую службу сослужили нам в этом отношении македонские четники, на которых одновременно была возложена задача организации разрушений на линиях железных дорог, ведущих от Салоник в Сербию. Против этой важной для сербов коммуникации, по которой доставлялись из

⁴¹ См.: АВПРИ, ф. “Политархив”, оп. 482, д. 532, л. 363–364, 106–106 об., 108–108 об.

⁴² По оценкам военных историков, в наступлении принимало участие до 450 тыс. австро-германских войск, 150 тыс. болгар и до 100 тыс. турок. См.: *Айранетов О.Р.* Балканы в стратегии Антанты и ее противников (1914–1918). – Новая и новейшая история, 2003, № 5, с. 200.

⁴³ АВПРИ, ф. “Политархив”, оп. 482, д. 532, л. 348.

Франции вооружение, были также направлены албанские и турецкие отряды из Албании. Из попытки включить в действие Македонский комитет в Болгарии для угрозы с тыла сербским войскам у Дрины ничего не вышло, ибо он располагал не более чем 300 вооруженных людей”⁴⁴. Слова Ронге перекликаются с многочисленными рапортами В.Н. Штрандмана, отмечавшего усиление деятельности австро-венгерской разведки в Албании. Так, например, в своем донесении от 3 (13) июля 1914 г. он отмечал, что австрийцы вошли в контакты с лидерами албанского национального движения, в частности с Исой Болетинацем (Болетини), которому были выданы определенные денежные суммы “в целях побуждения их напасть на Сербию”⁴⁵. Кроме того, российский поверенный в делах в донесениях лета–осени 1914 г. отмечал резкое усиление террористической деятельности болгарских банд в Македонии, особо подчеркивая факт участия официальных кругов Софии в их финансировании и снабжении оружием. В свою очередь, болгарский посланник С. Чапрашиков вел в Нише открытую разведывательную деятельность, интересуясь расположением сербских укреплений. В непростой ситуации, сложившейся на сербо-австрийском фронте осенью 1914 г., среди новобранцев из Македонии участились случаи дезертирства. Как отмечал российский дипломат, “некоторые из перехваченных беглецов признавались сербским властям, что болгарская миссия в Нише через своих агентов поощряет неповиновения, выдавая денежное пособие”⁴⁶. Всё это усиливало взаимное недоверие двух правительств, сказавшись на провале сербо-болгарских переговоров и вступлении последней в войну на стороне Австро-Венгрии и Германии.

С целью сбить усиливавшийся накал антисербских настроений, в конце декабря 1914 г. Александр Карагеоргиевич обнародовал специальный манифест, декларирующий дарование уроженцам Новой Сербии политических прав “наравне с населением прочих частей королевства”. Болгарская печать усмотрела в “этом акте сербского регента лишний раз заявить о неделимости сербской территории и нежелании сербских правителей идти навстречу справедливым требованиям Болгарии”⁴⁷.

Обострению сербо-болгарских отношений способствовали политические игры держав Антанты с одной, и австро-германского блока с другой стороны, стремившихся втянуть Болгарию в войну на своей стороне. В апреле 1915 г. на стороне Антанты в войну вступила Италия, что породило в Сербии слухи о чрезмерных притязаниях римского кабинета на славянские области. “Раздражение против итальянцев выливалось в самой резкой и часто неприличной форме. Только благодаря такту осторожного барона Свитти⁴⁸ мелочные уколы и неприятности, которые ему делались на каждом шагу, не были раздуты им до размера инцидентов, способных испортить международные отношения”, – вспоминал Г.Н. Трубецкой⁴⁹. Антанта пыталась повлиять дипломатическим путем и на Румынию, обещая в случае ее вступления в войну передать ей не только всю Трансильванию, но и Буковину и весь Банат так, чтобы будущая ее граница с Сербией шла по Дунаю, что также болезненно воспринималось политическим руководством Сербии.

Российские правящие круги при этом полагали, что будущее обладание черноморскими проливами сможет компенсировать все уступки в пользу Италии и Румы-

⁴⁴ Ронге М. Война и индустрия шпионства. М., 2000, с. 69.

⁴⁵ АВПРИ, ф. “Канцелярия”, д. 305, л. 41. В августе 1914 г. русский военный агент в Болгарии Г.Д. Романовский подчеркивал, что “в македонских кругах в последние дни наблюдается большое оживление. Главарям четников приказано быть наготове и ждать приказа перехода через сербскую границу для одновременных действий с албанцами Исы Болетинца. В десятой албанской дивизии призваны под знамена запасные под предлогом обучения. В гвардейском и первом конном полку отдан секретный приказ точить сабли. Офицеры запасаются картами Сербии”. См. РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1870, л. 33–33об.

⁴⁶ АВПРИ, ф. “Канцелярия”, д. 305, л. 85–254.

⁴⁷ АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 532, л. 468–468об.

⁴⁸ Итальянский посланник в Сербии.

⁴⁹ Трубецкой Г.Н. Указ. соч., с. 136.

нии, причем переговоры с Пашичем и Чапрашниковым о возможности воссоздания Балканского союза и присоединении Болгарии к коалиции Антанты, российские дипломаты В.Н. Штрандтман и Г.Н. Трубецкой повели непосредственно после начала военных действий в 1914 г. Эта идея приобрела особую остроту после вступления в войну Османской империи в октябре 1914 г. Российское правительство отдавало себе отчет в том, что привлечь Болгарию на сторону Антанты или же обеспечить ее благожелательный нейтралитет можно было только обещанием передачи ей Македонии в границах союзного договора 1912 г. Сербии было предъявлено требование сделать территориальные уступки в пользу Болгарии, которые, как вспоминал Г.Н. Трубецкой, “потребуются обстоятельствами, дабы достигнуть немедленного выступления Болгарии на нашей стороне. За это Сербии обещалось *в весьма общих выражениях* (курсив мой. – Я.В.) приобретение, при заключении мира, обширных территорий с выходом к Адриатическому морю”. Английский кабинет после неудачи Дарданелльской экспедиции был особенно заинтересован в вовлечении Болгарии в войну. Британский министр иностранных дел Э. Грей решился даже на экстраординарный шаг – на Балканы для переговоров с потенциальными союзниками и для давления на Сербию с официальной миссией был послан авторитетный журналист газеты “Times” В. Чироль. Однако его миссия в Софии и Бухаресте успеха не имела, а Н. Пашич наотрез отверг его предложения, что поставило В. Чироля, а вместе с ним и весь английский кабинет в весьма щекотливое положение. Как писал Г.Н. Трубецкой, “он был настолько умен и порядочен, что признавался мне в том, что иначе представлял себе дело и что не знает, что в конце концов выйдет из всей этой каши, которую он, однако, сам если и не заварил, то помог заварить”⁵⁰. Ю.Н. Данилов заметил в этой связи: “Дело обстояло так, что всякое правительство, которое пошло бы ту минуту на сколько-нибудь значительные территориальные уступки в пользу Болгарии, не могло бы даже удержаться у власти. В наиболее трудном положении оказывалась, конечно, Сербия как государство, на защиту которого стали державы Согласия и которому непосредственно угрожало нападение Болгарии с тыла. Но и его правительству, в главе которого стоял г. Пашич, по-видимому, можно было только навязать намеченные уступки в пользу Болгарии”⁵¹. В разговоре с русским посланником Пашич прямо заявил, что “лучше с честью погибнуть, чем идти на самоубийство”. В дальнейших беседах с российским посланником Пашич резко заметил: “Сербией распоряжаются и делят как африканскую колонию”. “Какое право имеете вы ставить подобные упреки России после всего, что она сделала?” – возразил Трубецкой. “Я верю, что требовать от нас невозможного она не может”, – ответил Пашич. Русский дипломат пригрозил, сказав, “что если они всего будут добиваться, то рискуют ничего не получить и что Сербии предстоит сделать выбор между Македонией и объединением юго-западного славянства”. Сербский премьер ответил: “Мы выберем Македонию”⁵². Бескомпромиссная позиция сербского премьера не только соответствовала настроению сербского общества после окончания Балканских войн. Она обуславливалась стратегическими планами Пашича по созданию объединенного славянского государства, а его боязнь оказаться в положении изоляции, аналогичному событиям кризиса 1908–1909 гг., была очевидна.

В то же время единодушие союзников по этому вопросу, несмотря на вручение 23 июля 1915 г. сербскому премьеру от имени держав соответствующей ноты, не наблюдалось. Как писал С.П. Мельгунов, «ген. Алексеев с военной точки зрения считал необходимым “исчерпать все средства для привлечения Болгарии на нашу сторону”. Мысли Алексеева вызвали “несочувственное” отношение у французов. [...] Мы знаем о мотивах, сформулированных русским министерством ин[остранных] д[ел] и сообщенных в записке Базили, которая передана Алексееву: соглашение с Фердинандом умалит русский престиж среди балканских народов и будет принято как доказательство сла-

⁵⁰ Трубецкой Г.Н. Указ. соч., с. 138, 139.

⁵¹ Данилов Ю.Н. Указ. соч., с. 73.

⁵² Трубецкой Г.Н. Указ. соч., с. 141, 146–147.

бости. Выдвигался в записке Базили и другой мотив: надо стремиться предотвратить образование на Балканах “слишком сильных государств”, стремящихся к гегемонии, – в особенности это касается Болгарии, лежащей вблизи проливов»⁵³. Равнодушно в Петербурге восприняли предложение Г.Н. Трубецкого занять вместе с союзниками линию Вардара, чтобы обезопасить сообщения от Салоник до Дуная и не дать войти в соприкосновение (единственный способ избежать войны!) сербским и болгарским войскам.

Тем не менее одной из главных причин неудач переговоров можно считать неопределенность обещанных Сербии территориальных компенсаций, которые к тому же необходимо было еще и отвоевать с возможным в будущем столкновении с Италией. В ноте сербского правительства от 19 августа 1915 г. было дано лишь принципиальное согласие на линию 1912 г. и выставлено в качестве обязательного условия ряд конкретных требований, основное содержание которых свелось к следующему:

1. Немедленное вступление Болгарии в войну.
2. Державы должны были обеспечить Сербии Хорватию с г. Фиуме (Риека).
3. К Сербии должна быть присоединена западная часть Баната.
4. Скопье должно быть ограждено стратегической границей, которая будет определена в будущем.
5. Сербия оставляла за собой Прилеп.
6. Общая граница с Грецией должна начинаться с высоты Перистеры и Суха-Планины и продолжаться на запад до пункта, который также будет определен.
7. Передача Македонии может осуществиться только после того, как Сербия войдет во владение новыми территориями и будут урегулированы вопросы, касающиеся прав сербского населения в Македонии⁵⁴.

Провал переговоров стал очевиден, а вступление Болгарии в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии – реальностью. Тем не менее Пашич убеждал сербскую и европейскую общественность в том, что о новом австро-германском наступлении не может быть и речи⁵⁵, хотя уже 6 сентября 1915 г. были подписаны документы о присоединении Болгарии к коалиции центральных держав. Не случайно военные круги королевства, прямо обвиняли Пашича в том, что он, подчинившись требованиям держав, помешал им напасть на Болгарию, пока она не была готова к отражению удара, и тем самым возлагали на сербского премьера персональную ответственность за военную катастрофу страны. Именно ему, по словам Г.Н. Трубецкого, “ставили в вину все неудачи в переговорах с державами и Грецией”⁵⁶. Уже на Корфу в апреле 1916 г. участник офицерской организации “Объединение или смерть”, полковник Д. Попович в письме к жене, имея в виду политическое руководство страны, выразился более чем категорично: “Эти негодяи мне омерзительны, но я ничего не могу сделать. Всех их надо повесить”⁵⁷.

5–7 сентября 1915 г. австро-венгерская и германская армии под командованием Макензена после массированной артиллерийской подготовки начали новое наступление на Сербию. Спустя 10 дней в войну вступила Болгария. Под ударами превосходящих сил неприятеля в ночь с 8 на 9 октября вновь был оставлен Белград. Положение Сербии стало критическим. 16 октября Александр, а 17 октября Пашич официально обратились

⁵³ Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006, с. 355.

⁵⁴ Поповић Н. Односи Србије и Русије у првом светском рату. Београд, 1977, с. 174–175; Трубецкој Г.Н. Указ. соч., с. 149–150.

⁵⁵ Pribičević S. Diktatura kralja Aleksandra. Zagreb, 1990, с. 234.

⁵⁶ Трубецкој Г.Н. Указ. соч., с. 175. Значительная часть офицерского корпуса страны была связана с политической организацией “Объединение или смерть” (“Черная рука”), образованной в 1911 г. С этого времени столкновение военных и политических кругов королевства являлось важной характерной чертой политической жизни Сербии. Это противостояние завершилось Салоникским судом 1917 г., по приговору которого трое руководителей “Черной руки” – Д. Дмитриевич, Л. Вулович и Р. Малобабич были приговорены к смерти и расстреляны 13(26) июня 1917 г.

⁵⁷ Архив српској академије наука и уметности, Оставштина Живановића, 14434/130.

к Англии и Франции с просьбой прислать войска для обороны Ниша и железной дороги Битоль – Салоники. Только 31 октября между Англией и Францией было достигнуто соглашение об увеличении экспедиционного корпуса генерала М. Саррайля до 150 тыс. чел. Но было уже слишком поздно. Болгарские войска еще 19 октября перерезали салоницкую железную дорогу, лишив сербскую армию возможности соединиться с союзными частями. Англо-французские части, с опозданием переброшенные из Галлиполи в Салоники на помощь сербам, были также отброшены болгарскими войсками.

Россия, несмотря на то что 5 (18) октября 1915 г. объявила Болгарии войну, также не смогла организовать в помощь Сербии высадку своих войск на черноморском побережье Болгарии⁵⁸. Русский флот ограничился бомбардировкой Варны 27 октября 1915 г. 29 октября на экстренном заседании правительства в г. Крушевац Н. Пашич и принц-регент Александр приняли решение об отступлении остатков сербской армии через Черногорию и Албанию к побережью Адриатического моря для дальнейшей ее эвакуации на греческий остров Корфу. Как заметил Г.Н. Трубецкой, “у сербов исчезли последние следы порядка и организации. Они предоставляли каждому спастись, как он мог”⁵⁹.

В конце ноября 1915 г. сербское руководство собралось в Скутари, где было смещено высшее руководство сербской армии. Воевода Путник передал полномочия своему помощнику полковнику Ж. Павловичу. Там же прошел знаменитый парад сербской армии, который потрясенный французский журналист А. Барби назвал “дефиле живых трупов”. С острова Корфу сербская армия, не признав капитуляции, была переправлена на Салоницкий фронт. Г.Н. Трубецкой вспоминал: “И тут нам предстала вся необычность нашего путешествия. Мы покидали берега Албании, оставляя за собой далеко Сербию. Тут были министры, генералы, командовавшие армиями, представители держав. Это было начало исхода целого народа, который по-прежнему верить в свою звезду, которая вернет в обетованную землю. Я чувствовал себя свидетелем великой исторической драмы, одного из самых трагических ее эпизодов”⁶⁰. Вслед за военным поражением Сербии, в феврале 1916 г. капитулировала Черногория. Никола бежал из страны, которая была оккупирована австро-венгерской армией.

В конце 1916 г. в результате тяжелого перехода через горный хребет Каймакчалан линия фронта была прорвана, стал возможным захват Битоля. Эти события можно считать началом освобождения Сербии. В октябре 1918 г. сербская армия победоносно вошла в Белград. 1 декабря 1918 г. белградцы устроили грандиозную демонстрацию по случаю освобождения и объединения родины. Началась новая страница сербской истории в составе королевства СХС (сербов, хорватов и словенцев; с 1929 г. – Югославия).

---

⁵⁸ О причинах провала этой операции см.: *Каширин В.Б.* Несостоявшаяся экспедиция русских вооруженных сил на Балканы осенью 1915 года. – Новая и новейшая история, 2004, № 6, с. 175–203.

⁵⁹ *Трубецкой Г.Н.* Указ. соч., с. 187.

⁶⁰ Там же, с. 244.